

УДК 94(392)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-29-43

«Греки в стране Аполлона»: отображение процесса дорийской и эолийской колонизации Ликии в памятниках эпиграфики, археологии и нарративных свидетельствах

Баранов Д.А.

Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж),
Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54а
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Аннотация. Исследуется комплекс разновременных нарративных свидетельств греческой традиции, памятников археологии и эпиграфики, касающихся процесса дорийской и эолийской колонизации восточного побережья Ликии. Оспаривается классическое представление о Фаселиде, рассматриваемой в качестве единственной родосской колонии в регионе. В рамках исследования сформулирован тезис о существовании зоны греко-ликийского культурно-исторического синкретизма, которую следует располагать в районе Коридаллы, Гаг и Родиополиса. Особое внимание уделяется характеру и эволюции греко-ликийских культурных и политических взаимодействий в обозначенном регионе.

Ключевые слова: дорийцы, Ликия, Памфилия, Фаселида, греческая колонизация, Родос

Для цитирования: Баранов Д.А. 2022. «Греки в стране Аполлона»: отображение процесса дорийской и эолийской колонизации Ликии в памятниках эпиграфики, археологии и нарративных свидетельствах. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 29–43. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-29-43

«Greeks in the land of Apollo»: displaying the process of the Dorian and Aeolian colonization of Lycia in the epigraphy, archeology and narrative sources

Dmitry A. Baranov

Airforce Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin (Voronezh),
54a Staryh Bol'shevikov St., Voronezh 394064, Russia
E-mail: baranovdmitry2@gmail.com

Abstract. The article examines a complex of multi-temporal narrative evidence of the Greek tradition concerning the process of Dorian and Aeolian colonization of the eastern coast of Lycia. The author disputes the classical view of Phaselis, regarded as the only Rhodes colony in the region. The cultural and historical syncretism of the Greeks and Lycians was expressed in the influence of Greek philosophy and elements of art. Relations between the Lycians and Greek colonists were quite complicated and often ended in conflicts. As part of the study, the thesis was formulated about the existence of a zone of Greco-Lycian cultural and historical syncretism, which should be located in the area of Koridalla, Gagae and Rodiapolis. Attempts by the Dorian colonists to gain a foothold on the Lycian coast failed. Particular attention is paid to the nature and evolution of the Greco-Lycian cultural and political interactions in the designated region. It will be especially important to pay attention to the array of relatively fresh evidence of local epigraphic heritage and archeological data concerning the ethnocultural contacts of the Lycians and Pamphiles with the Greek colonists.

Keywords: Dorians, Lycia, Pamphylia, Phaselis, Greek colonization, Rhodes

For citation: Baranov D.A. 2022. «Greeks in the land of Apollo»: displaying the process of the Dorian and Aeolian colonization of Lycia in the epigraphy, archeology and narrative sources. *Via in tempore. History and political science.* 49 (1): 29–43 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-29-43

Введение

Упомянув процесс дорийской и эолийской колонизации юго-восточной оконечности ликийского полуострова, нельзя не указать на слабую его изученность в эпиграфическом и археологическом отношении. В нашем распоряжении имеется мало прямой информации, свидетельствующей об эпизодах эолийского колонизационного процесса в памфило-ликийском пограничье, а письменные данные о дорийской волне предельно спорадичны. На этом фоне особенно важным будет обратить внимание на массив относительно свежих свидетельств местного эпиграфического наследия и данных археологии, касающихся этнокультурных контактов ликийцев и памфилов с греческими колонистами, осуществлявшими сравнительно неудачные попытки освоения этих регионов. Преимущественно гористый, пересекаемый узкими каньонами участок, примыкающий к Памфилийскому морю (Анатолийский залив), слабо подходил для создания апойкий. С географической точки зрения область в значительной степени изолирована горным массивом Тахта-лы (Солима) и его предгорьями, что образовывало естественный природный барьер между Ликией и равнинными районами Памфилии. Регионы соединялись крайне узкими (1,5–2 метра шириной) дорогами через горные перевалы и ущелья, что создавало дополнительные трудности для заселения региона греками [Saraçoğlu, 1968, s. 463; Jahn, 1970, S. 11–12].

Результаты и их обсуждение

Несмотря на враждебность окружения, греческим колонистам удалось основать несколько поселений, сумевших закрепиться в чуждой культурно-политической среде [Şahin, Adak, 2004, s. 248]. Одной из подобных греческих колоний региона была Фаселида, основание которой традиция относит к 691–690 гг. до н. э. Колония, выведенная жителями родосского Линда, со временем стала богатым центром транзитной торговли, сохранив свою греческую идентичность вплоть до времени римского владычества. Все 77 городских магистратов (в хронологическом диапазоне 250–120 гг. до н. э.), встреченных в надписях и на монетах Фаселиды, носили отчётливо греческие имена [Heipp-Tamer, 1993, S. 124; Adak, 2013, p. 67–68]. Горожане говорили на дорийском диалекте греческого, занесённом с Родоса. Большинство известных городских декретов и посвящений были выдержаны в дорийском диалекте или содержали отчётливые доризмы [Bechtel, 1899, S. 660]. Наиболее раннее свидетельство лингвистического дорийского влияния сохранилось в договоре фаселитян с карийским династом Мавсолом (ТАМ II 1183: имя Гелиоса, а также глагол *καταλαφθήμεν* в дорийской форме) [Wilhelm, 1898, S. 149–162; Hornblower, 1982, p. 122–123; Keen, 1998, p. 238]. Таковыми являются и гораздо более поздние надписи посвящения с акрополя Фаселиды. Отчётливое дорийское звучание содержится в надписи ТАМ II 1185: [Ἀρ]ιστοκράτεια καὶ Νικάρης | ὑπὲρ Ἀθανίωνος τοῦ πατρὸς | δαμιουργήσαντος | Ἑστία καὶ Ἐρμῆι [Adak, Önen, Şahin, 2005, S. 13–15]. Дорийский след имеется в текстах надписей, упоминающих местные культы Афины Городской (ТАМ II 1184, 4: [Ἀθαναία] τῆι Πολιάδι) и Артемиды Китаневриссы в Олимпосе (Ἀρτεμεις Ἀρτέμιδι Κιτανευρίσσαι εὐχάν), располагавшемся в 20 км южнее Фаселиды [Blackman, 1981, p. 139; Adak, 2004, S. 27–51; Adak, Önen, 2004, S. 53]. Наличие формы *εὐχάν* доказывает, что дорийский диалект продолжал использоваться и в период существования Ликийского союза [Behrwald, 2000, S. 107–108].

Свидетельства нарративной традиции разнятся относительно характера взаимоотношений родосцев и ликийцев. Пространное сообщение Афиней (VII, 51, 297f), упоминающее ритуал жертвования соленой рыбы ликийскому пастуху Килабру (FHG IV 428), первоначально намекает на довольно мирный характер контактов. Приведя цитату из отрывка «Колофонских летописей» Герофита (FGrHist 786 F 1), Афиней утверждает, что фаселидяне по сей день ежегодно приносят Килабру жертву соленой рыбой, которую тот предпочел ячменной муке, предложенной ему ойкистом Лакием (FHG III 28; VII, 51, 297f). Взамен родосцы получили право основать Фаселиду. Расширенная версия данного айгиологического мифа содержалась в сочинении «Об азиатских городах» Филостефана Киренского. Историк указывает на линдийское происхождение Лакия, пришедшегося братом основателю Гелы Антифему (FHG III 29). По другой версии, Лакий был аргивянином и спутником Мопса, сына Манто, потерпевшим кораблекрушение у Хелидонийского мыса. Выполняя распоряжение Манто и Мопса, Лакий выкупил землю для основания Фаселиды у некоего Калабра, заплатив ему соленой рыбой (VII, 51, 298).

Афиней был уроженцем египетского Навкратиса (Athen., VII, 301b), где располагался Эллений, основанный при непосредственном участии родосцев и фаселитян (Hdt., II, 178–179), что дает основания для доверия его сообщениям об обстоятельствах выведения этой родосской колонии в Ликий. Безусловна и связь Фаселиды с самой ранней греческой торговой колонией в Египте, основанной при фараонах Нехо или Псамметихе и достигшей расцвета при Амасисе. Фаселида была одной из наиболее близких гаваней для транзита товаров из Навкратиса в западном направлении [Blumenthal, 1963, S. 129; Schäfer, 1981, p. 19–20]. Но этот город играл не только роль транзитного пункта. Согласно эфептинской «Повести о премудром Ахикаре», из Фаселиды в Египет ввозились металлы, обработанная древесина, предметы утвари, ароматные масла, шерсть и вино [Briant, Descat, 1998, p. 69–72; Bresson, 2000, p. 68–73; Önen, 2012, p. 209]. Плиний упоминает знаменитые ликийские ели, кедры и платаны, широко использовавшиеся в кораблестроении (Plin., NH, XII, 9; XVI, 137). Кроме того, источник описывает красные лилии из Фаселиды, бывшие вторыми по величине после лаодикийских лилий Антиохии и Сирии и использовавшиеся в парфюмерии (Plin. NH, XXI, 24–25). Фаселитяне наладили и выращивание роз для изготовления особо качественного розового масла, спрос на которое распространился вплоть до Неаполя, Капуи и Пренесты (Athen. Deip., XV, 38; Plin. NH, XIII, 5). Мореплавание и морская торговля стали важнейшим источником дохода для жителей Фаселиды, о чем напоминают характерные имена фаселитян (Ναυσικλῆς, Ναυσικράτης, Ναυσίνικος) и неизменное изображение корабля на монетах. Демосфен утверждает, что купцы-фаселитяне были одними из самых хитрых и торговали с хиосцами, афинянами и жителями Понта Эвксинского. Некий торговец из Фаселиды сдал афинскую собственность (приобретенную под ссуду, заимствованную в Афинах) в качестве материальной гарантии при договоре с хиосским купцом, а затем доставил товары на Хиос в обход Афин, что вызвало неподдельное возмущение оратора, апеллировавшего к афинским судьям (Dem., XXXV, 52–55). Показательно и то, что Хиос имел давние союзнические отношения с Фаселидой (Plut. Cim., 12). Именно по этой причине афиняне существенно ограничивали торговые преференции купцов из Хиоса и Фаселиды (декрет 469–450 гг. до н. э.: IG I². 16+ = Meiggs-Lewis № 31 = IG I³. 10). В частности, предполагались изменения в установленном порядке *ἔνυμβολαιον* (или *δίκα ἀπὸ σὺμβολῶν*) с фаселитами (IG I³. 10, 13), обозначенные в строках 6–11, которые следует читать и переводить следующим образом: ὃ τι ἄμ μὲ[v] Αθ[η]νησι ξ[υ]μβ[ο]λαιον γένηται [πρὸς Φ]ασηλιτ[ῶ]ν τινα, Αθή[ν]η[σι] τας δί[κ]ας γίγνεσθαι παρ[ὰ] τῶι πο]λεμάρχῳι, καθάπερ Χ[ί]οις, και ἄλλοθι μηδὲ ἄμ («Если какой-либо судебный спор случится в Афинах, касающийся фаселита, в Афинах пусть процесс будет у полемарха, как с хиосцами, и ни в каком другом месте»). Таким образом, афиняне меняли классический принцип *actio sequitur forum rei* (согласно которому тяжба проводилась в соответствии с

гражданством ответчика) на принцип *actio sequitur forum contractus*. Данное обстоятельство можно объяснить особой экономической и стратегической значимостью города (штурм города Кимоном в 470 г. до н. э.: Plut. Cim., 12), названного самым восточным городом афинской торговой и военной активности после заключения Каллиева мира (Isok. Panegyrg., 117; Areopag., 80; Panath., 59; Lyk., 73; Diod., XII, 4, 5; Suda, Lex. s.v. Κίμων) и кампании Кимона против Фаселиды (Plut. Cim., 12).

Вместе с тем в двух рассмотренных версиях основания Фаселиды амальгама мифологии пеленает исторические реалии, которые следует рассматривать диахронно. Мопс выступает основателем Фаселиды и Колофона (Pomp. Mela, I, 70, 78) и сыном критского колониста Ракия (или Аполлона) от прорицательницы Манто (Clem. Strom., I, 134, 4). Ряд источников называет его предводителем ахейцев Калханта (Strab., XIV, 1, 27) правившим в Лидии и ведшим войну с карийцами в районе Клароса и Колофона (Paus., VII, 3, 2). Двинувшись на восток, Мопс завоевал Памфилию (=Мопсопию по: Plin. NH., V, 96: *Pamphylia ante Mopsopia appellata est*), а перейдя Тавр, осел в Киликии, где основал собственное царство [Vanschoonwinkel, 1990, S. 193–194]. Очевидно, что античная традиция награждает легендарного Мопса качествами ойкиста, начавшего колонизационный процесс в юго-западной Анатолии после событий Троянской войны (Herod. De prosodia cath., III, 1, 253; Steph. Byz., Eth. s.v. Γέλα; Athen. Deip., VII, 51) [Blumenthal, 1963, S. 129; Erzen, 1973, S. 394; Leschhorn, 1984, S. 28; Scheer, 1993, S. 182–187; Önen, 2012, p. 206]. Независимо от традиции фаселитян, жители памфилийских городов ссылались на Мопса и Калханта (Сельге: Strab., XII, 7, 3; Малл: Athen., VIII, 346), говоря об основании своих городов. Такая ситуация могла быть вызвана острым желанием памфилийцев повысить свой статус и распространилась на Фаселиду (и Родиаполис, основанный Мопсом и названный им в честь дочери: Theop., FGrHist II, 115, F 103), которую относили то к Памфилии, то к Ликии (Ps.-Skyl., 100; Strab., XIV, 3, 9; Hierocl. Synec., 683, 1: Φασούδες).

На сегодняшний день не обнаружено реальных следов микенской колонизации окрестностей Фаселиды [Önen, 2012, p. 206], но исходя из легенды о Мопсе и Манто (образе женщины-жрицы Аполлона из Клароса, что находился вблизи Колофона) и упоминания жертвоприношения соленой рыбы (связанного с кларосской гидромантией), очевидным образом объединяющих Фаселиду, Кларос и рыбный оракул в ликийской Сура (Афинеи со ссылкой на Полихарма: FHG IV, 479; Athen., VIII, 333d), можно представить наличие длительного периода культово-религиозного переплетения, связующего традиции ликийцев, фаселитян и жителей Памфилии. Рассмотренные обстоятельства намекают и на возможность длительных отношений родосских колонистов с Колофоном. Микенское имя *Mok^wso- (Кносс: De 1381.B; Пилос: Sa 774; «Обвинение Маддуватты»: СТН 147; KUB 14.1 rev. 75: ^mMu-uk-šú-uš с упоминанием похода Аттарисии и Маддуватты против Кипра) могло быть распространенным династическим именем, занесенным из Греции в период ахейской колонизационной волны [Oettinger, 2008]. Оно засвидетельствовано в качестве имени правителя в киликийском царстве Куэ/Хияве надписями из Каратепе (KARATEPE 1 § 57: (Лув./Но.) ma-ra-wa/i (CRUX)pa+ra/i-na-wa/i-tu-u (LITUUS)á-za-ti-wa/i-tà-ia mu-ka-sa-sá-há- DOMUS-ní-i (DEUS)TONITRUS-hu-ta-[ti] DEUS-na-ti-há / «И много пусть служат Ацативаде и дому Мукса по воле Тархунта и богов») и Чинекёй (ÇINEKÖY §1: (Лув.) [EGO-mu] wa/i+ra/i-i-[ka-sá x-x-x-x(-x) (INFANS)ni-]mu-wa/i-za-sa [mu-ka]-sa-sa [INFANS.NEPOS-si-sà |hi-ia-wa/i[-ni]-sá[(URBS)] |REX-ti-sa |(DEUS)TONIT[RUS]-hu-t[a-sa ...] / «Я Варайка, [сын X], потомок Мопса, [князь Хиявы], любимец Ваала», [слуга] Тархунта) [Tekoğlu, Lemaire, 2000, p. 968; Hawkins, 2000, p. 56].

Анализ отдельных крупниц исторически достоверных сведений из мифозпических напластований позволяет утверждать, что основание Фаселиды не представлялось столь мирным актом, как о том свидетельствуют сообщения греческих историков, цитируемых Афинеем. На это обстоятельство недвусмысленно намекает «Линдийская храмовая хроника» (со ссылкой на родосского историка конца IV в. до н. э. Ксенагора), упоминающая

дар фаселитян Афине Линдии: «фаселитяне – шлем и кривой меч, на которых написано: фаселитяне от солимов Афине Линдии, под предводительством ойкиста Лакия» (Lind., II 2, C.1, XXIV, 6–10: Φασηλίται κράνη καὶ δρέπανα, ἐφ’ ὧν ἐλεγέγγραπτο: «Φασηλίται ἀπὸ Σολύμων τῷ Ἀθαναίῳ τῷ Λινδίῳ, Λακίου τοῦ οἰκιστῆ ἀγευμένου», <ὧ>ς ἀποφαίνεται Ξεναγόρας ἐν τῷ α τῶς χρονικᾶς συντάξις).

В рассмотренном выше отрывке Афиней сообщает, что Мопс отправил Лакия в Фаселиду с дружиной. Правоммерно предположить, что родосские колонисты вступили в военный конфликт с аборигенами ликийцами (солимами), а вовсе не выкупали землю у местного населения. Конфликт с солимами можно объяснить чрезвычайной воинственностью этого народа, что было известно еще Гомеру (II, VI, 184–185). Уже в сцене противоборства родосского вождя Тлеполема и ликийского царя Сарпедона просматриваются корни давней вражды ликийцев с жителями Родоса (II, V, 627). Об этом же факте сообщает и схолиаст (Eust. Schol. ad II., V, 639: «говорят, что всегда ликийцы враждовали с родосцами»). Менандр в «Щите» описывает военный поход в Ликию афинского военачальника и его отряда, руководствовавшегося целью грабежа комовых поселений в долине Ксанфа (Men. Asp., 23–40). Указывается, что афиняне использовали Родос в качестве перевалочного пункта для нападения (Men. Asp., 36–40). Подобный конфликт случился и в 430–429 гг. до н. э. Фукидид описывает неудачный поход военачальника Мелесандра (Thuc., II, 69, 1–2). Афинянин был разбит в битве с ликийским династом Трббеними (согласно «хронике Гарпагидов» на «Столбе надписей из Ксанфа»: TAM I, 44a, 44–45: «xbane: ese: trbbēnīmi: tebete: terñ se milasāñtrā:/y Кианеи, когда Трббеними разбил [афинскую] армию и Милесандра с доблестью»).

Согласно «Линдийской храмовой хронике» (со ссылкой на Полизала и Тимокрита), сообщается о более ранних военных предприятиях уроженцев Родоса, упоминая «совершивших с Клеобулом поход в Ликию» (Lind. II 2, C.1, XXIII, 1: τοὶ μετὰ Κλευβούλου στρατεύσαντες εἰς Λυκίαν). По всей видимости, экспедиция, организованная Клеобулом, увенчалась военной победой, о чем свидетельствуют восемь трофейных щитов и венец (2–5: ἀσπίδας ὀκτὼ καὶ τῷ ἀγάλματι στεφάναν χρυσεῖαν, ὡς ἴστορεῖ Τιμόκριτος ἐν τῷ <ι> α τῶς χρονικᾶς συντάξις, Πολύζαλος ἐν τῷ δ τῶν ἱστοριῶν), пожертвованный храму Афины Линдии. Примечательно, что в самой Ликии существовала устойчивая традиция изъятия щитов противников с поля боя в качестве трофеев. Об этом свидетельствуют многочисленные рельефные изображения, украшавшие погребальные камеры столбовых могильников местных династов архаического и классического времени. Военное предприятие, вероятнее всего, носило упреждающий или карательный характер и было направлено против местного населения, агрессивно настроенного по отношению к родосским колонистам. Не исключено и то, что Клеобулу удалось основать новые поселения в пределах восточного побережья полуострова, но говорить о широкомасштабной экспансии вглубь Ликии не приходится. Историчность обстоятельств походов Лакия и Клеобула косвенно подтверждается Геродотом, упоминающим кинжалы и серповидные мечи ликийцев (Hdt., VII, 92, 1: ἐγχερίδια δὲ καὶ δρέπανα εἶχον), найденные в процессе археологических раскопок [Benda-Weber, 2005, Taf. 55].

Следы родосской колонизации обнаруживаются и дальше на юг от Фаселиды. К VII в. до н. э. относится основание островитянами городов Гаг, Коридаллы и Родиополиса. Три этих города контролировались ликийскими династиями классического времени, о чем свидетельствует местный ликийский монетный чекан. На это же обстоятельство указывает и наличие поблизости типичных погребальных памятников с надписями на ликийском языке. Вернер Тиц и Франк Кольб склонны относить Родиополис к типичным ликийским поселениям династического времени, считая его освоение родосскими греками сравнительно поздним. Процесс родосской колонизации этого района Ликии они относят ко 2-й половине IV в. до н. э. [Kolb, Tietz, 2001, p. 392–394]. Такой вывод следует из факта появления Родиополиса в ликийских надписях V–IV вв. до н. э., в которых он назван топонимом

мом Wedrēi. С данным утверждением можно поспорить, учитывая то, что уже в сочинении Гекатея мы встречаем прямые указания на освоение обсуждаемого региона родосцами, которое могло начаться, таким образом, не позднее конца архаического времени. Дополнительная информация о происхождении Коридаллы и Гаг содержится у Стефана Византийского и Геродиана, который со ссылкой на Гекатея утверждает, что родосцы участвовали в основании обозначенных местечек (Herod. De prosodia cath., III, 1, 381; FGrHist IA, № 1. Frg. 246: Κορύδαλλα πόλις Ῥοδίων. Ἐκαταῖος Ἀσία).

«Etymologicum magnum» связывает ликийский город Гаги с родосцами, упоминая важные детали обстоятельств его основания, обнаруживающие во многих аспектах прямую аналогию с обстоятельствами возникновения греческого поселения в Фаселиде [Çevik, Bulut, 2008]. Согласно тексту византийского источника, родосские переселенцы обратились к местному населению с просьбой о выделении им земли для основания собственного поселения. Греки взывали к ликийцам, произнося слова «Γᾶ γᾶ», что в переводе означало «пахотная земля». В честь этого события новое поселение стало носить такое нетипичное имя (Etymologicum magnum, 219, 6–16: Γάγα: Πόλις Λυκίας. Εἴρηται ὅτι Ῥόδιοι, Λυκίους αἰτοῦντες τόπον ἐν ᾧ κατοικήσουσιν, ἐβόων Γᾶ γᾶ, τῇ πατρῴᾳ φωνῇ δωρίζοντες· καὶ ἐντεῦθεν τὸ ὄνομα ἐτέθη τῇ πόλει). Из данного сообщения следует, что ликийцы крайне неохотно шли на контакт с греческими колонистами, не позволяя им свободно селиться вдоль юго-восточного побережья полуострова.

Ранние греко-ликийские контакты осложнялись естественными лингвистическими и этнокультурными трудностями. На своем первоначальном этапе дорийская колониальная экспансия преследовала три очевидные цели: основание сельскохозяйственных апоек, расширение географии транзитной торговли и организацию опорных пунктов для борьбы с прибрежным пиратством, являвшимся одним из ключевых занятий местного населения. На последнее обстоятельство указывает следующий отрывок «Этимологикона», упоминающий некоего родосского стратега Немия, попавшего в затруднительное положение из-за шторма в процессе истребления им киликийских и ликийских пиратов вдоль побережья («Ὅτι Νέμιος στρατηγῶν Ῥοδίων, καὶ τοὺς Λυκίων καὶ Κιλικῶν ληστεύοντας κατὰ θάλασσαν νικήσας νυκτὸς χειμῶνι περιέλεσε»). Согласно легенде, члены команды увидели землю и принялись выкрикивать дорийскую фразу «Γᾶ γᾶ», спасшись здесь от ненастья (καὶ κινδυνευούσης τῆς νεώς, τῶν ἐμπλεόντων ἀναβοησάντων τῇ Δωρίδι φωνῇ Γᾶ γᾶ, ἐκ τοῦ ἐπιφθέγματος προσέσχον καὶ ἐσώθησαν) [Çevik, Bulut, 2008].

О присутствии родосцев в пределах восточной окраины равнины Кумлуджа свидетельствует наличие диалектных дорийских форм τὸδε σᾶμα или τὸ μνᾶμα, обнаруженных в тексте двух греческих эпиграмм в пределах южной части укрепленного стенами периполиона Гаги, защищавшего город со стороны моря еще в классический период. Текст эпиграмм датируется династическим временем (V в. до н. э.), однако содержит вовсе не ликийские, а греческие имена [Adak, Güzelyürek, 2003, s. 111].

Коренные жители Ликии не желали мириться с освоением территории их страны чужаками, что приводило к конфликтам, большинство из которых заканчивалось плачевно для греческих колонистов. Согласно Александру Полигистору, Гаги называли *παλαίαν τεῖχος*, а сам этот город походил на крайне укрепленную крепость и был важен для сохранения родосского торгового пути из Фаселиды (Steph. Byz., s.v.). Педаний Диоскурид в сочинении «О лекарственных средствах» упоминает ручей рядом с городом, где обнаружены следы богатых месторождений бурого угля (Diosc. De mat. med., V, 128). Плиний отмечает, что шахта и ручей получили название от имени города (Plin. NH., XXXVI, 141) [Hellenkemper, Hild, 2004, S. 541]. Захват Гаг ликийцами произошел в последней четверти V в. до н. э., что подтверждается наличием нового (типично ликийского) монетного чекана, демонстрирующего осьминога с ликийскими литерами Γαγε между щупалец [Carruba, Vismara, 2002, p. 75–88; Önen, 2012, p. 206]. В дальнейшем был покорен и Родиополис, получивший новое ликийское наименование в местных погребальных надписях. Любопытно

и то, что эти тексты засвидетельствовали сохранение культа Афины Городской в форме поклонения богини Малии (TAM I 149, 12; 150, 6–7: *Malija Wedrēñni*), столь характерного для Родиаполиса, Меланиппия и Фаселиды. Смена имени божественного покровителя поселения засвидетельствована не только эпиграфически, но и демонстрируется монетами, аверс которых украшало изображение Малии-Афины.

Мустафа Адак замечает, что греческое население Родиаполиса и Гаг вынуждено было приспособливаться к новой культурно-политической ситуации, что отразилось в копировании потомками греческих колонистов ликийских культурных форм в погребальной архитектуре и культовой практике [Adak, 2007, s. 43]. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется наличие в регионе Андызлыташ близ Гаг (*Andızlıtaş*) ликийских форм скальных захоронений представителей местного греческого населения. Турецкий исследователь перечисляет полтора десятка скальных захоронений, принадлежавших ликийской знати в географическом диапазоне от Маркиз Даг (*Markiz Dağı*) на юге до Гюрече Даг (*Görece Dağı*) на севере [Adak, 2007, s. 44]. Скальные гробницы в Гагах были отнесены к более позднему типу скальных захоронений римского времени [Çevik, 2003, p. 97–116]. Наличие гробниц ликийской аристократии показывает, что местные династы должны были закрепить итоги своей экспансии строительством укрепленных опорных пунктов. Такой крепостью могло быть типичное по своему архитектурному облику династическое поселение Эрен Тепе [Şahin, Adak, 2004, s. 254–255]. В районе Асарташ (*Asartaş/Topal Gavur*) располагался небольшой укрепленный форпост (в 3 км к юго-востоку от Эрен Тепе), построенный с очевидной целью закрепления ликийской гегемонии над Гагами, Родиаполисом и Коридаллой (о чем свидетельствует появление ликийских надписей в Коридалле: N 302; Родиаполисе: TAM I, 149–150) [Neumann, 1979, S. 14; Tekoğlu, 2002, p. 107–108].

Интересен этот маленький гарнизонный поселок из-за двух скальных гробниц на восточной и западной части скалы некрополя. Восточная гробница принадлежала эллинизированному ликийцу Аполлонию, сыну Геллафила (SEG XLVIII 1561). Надгробная эпиграмма содержит сведения о том, что Аполлоний руководствовался справедливостью и вел приятную жизнь, предаваясь еде, питью и сексуальным утехам (*Ἀπολλώνιο τὸ μνημα | Τῆδε θανὼν κεῖμαι Ἀπολλώνιος Ἑλλαφίλου παῖς. | Ἦρασάμην δίκαιως, ἰδὼν βίον εἶχον ἀεὶ ζῶν, | ἐσθίων καὶ πίνων καὶ παίζων. | Ἄλλ' ἴθι χαίρων*). Время появления крепости и захоронений датируют серединой IV в. до н. э., что соответствует экспансии ликийцев Перикла Лимирского [Çelik, 2020, p. 13]. Содержание эпиграммы обнаруживает существенное влияние греческой культурной составляющей на представителей ликийской аристократии, несмотря на возражения Хааке [Wörrle, 1998, S. 77–79; Naake, 2008, S. 288]. Нам здесь видится возможность инфильтрации философии Аристиппа и школы киренаиков. Аристокл сообщает, что Аристипп Младший считал высшим благом достижение «приятной жизни» (*τὸ ἡδέως ζῆν*), понимаемой в качестве суммы удовольствий (Euseb. PE., XIV, 18, 32), что соответствует общей тональности погребальной надписи. Установления киренаиков могли явиться фундаментом для поздней ликийской школы эпикурейца Диогена Эноандского [Gordon, 1996].

В связи с обозначенными фактами, важнейшим следует признать наличие очевидной контактной зоны греко-ликийского соприкосновения, что способствовало росту уровня культурного синкретизма в районе от Коридаллы и Родиаполиса до Гаг и Эрен Тепе. Ликийцы, без сомнения, пытались вытеснить эллинов на самый край восточного побережья полуострова, что приводило к смене периодов мирного сосуществования эпизодами весьма успешной экспансии династов соседней Лимиры. В пятой книге «Стратегем» Полиэн сообщает о попытке длинных кораблей ликийского династа Перикла Лимирского перехватить некоего Харимена Милетянина при его попытке достичь Фаселиды (Strat., V, 42). Известно, что Периклу удалось установить гегемонию его родной Лимиры над территорией всей Ликии, победить персидского военачальника Артембара и взять Тельмесс (FGrHist 70 F 115 № 3 = FGH I, 296, 111). Наличие на юго-востоке Ликии богатых залежей

бурого угля, марганца и хрома были дополнительным стимулом для экспансии Лимиры в этом направлении [Borchhardt, 1993, S. 41; Çevik, Bulut, 2008, p. 2–3]. Фаселида и Тельмесс были крупнейшими транзитными портами и стратегически важными опорными пунктами на востоке и западе Ликии, одновременное обладание которыми давало ликийскому правителю полный экономико-политический контроль над всем полуостровом. А поэтому логичнее всего предположить, что Перикл прибег если не к захвату, то как минимум к попытке блокады дорийских колоний региона [Çelik, 2020, S. 13].

Тесные связи греческого и ликийского населения в «контактной зоне» Коридаллы и Родиополиса находят свое подтверждение и в эпиграфическом материале Лимиры. Захоронение некрополя СН V (рубеж IV–III вв. до н. э.) содержит билингвистическую надпись на греческом и арамейском (TAM I 152 = SEG XLV 1807) о принадлежности захоронения семейству некоего Артима, прадед которого был жителем Коридаллы (Αρτιμ[ας] Αρσαλι---σα 23.---Κορ]υδαλλέως πρόπαπλος -4-5- π[ρ]οκατεσ[κ]εῦάσατο τὸν τάφου [τοῦτο]ν ἑαυτῶι καὶ τοῖς ἐγγόνοις). Арамейская часть надписи сохранилась лучше ('stwdnh znh 'rtym br 'gzry 'bd 'hr mn zy m ['rt' z'-ca.35-zy]lh), хотя и не уточняет первоначальное гражданство предков владельца погребения. Понятно лишь, что наличие арамейской части надписи свидетельствует в пользу высокого статуса погребенного и обозначает наличие тесных связей Коридаллы и Лимиры на излете персидского господства в Ликии, а тот факт, что погребенный приходился сыном человеку с именем Аршап(ия), может свидетельствовать в пользу более раннего времени появления надписи [Wörrle, 2012, S. 420].

Со значительной степенью определенности можно утверждать, что и Меланиппий был основан родосскими греками [Zäh, 2003, S. 625–641; Hellenkemper, Hild, 2004, S. 725; Hild, 2004, S. 122–123]. «Stadiasmus Maris Magni» помещает его 60 стадиями (11 км) южнее Гаг и в 30 стадиях (5,5 км) от Хелидонийского мыса (234: Ἀπὸ δὲ τῆς Ἰερᾶς ἄκρας ἐπὶ Μελανίππην στάδιοι λ'; 235: Ἀπὸ δὲ Μελανίππης εἰς Γάγας στάδιοι ξ') [Müller, 1855, S. 491]. В отличие от ощущавших на себе существенное ликийское культурно-политическое влияние Родиополиса, Гаг и Коридаллы, этот небольшой городок сумел сохранить греческий облик. Достаточно сказать, что в его окрестностях до сих пор не было найдено следов ликийских захоронений и памятников эпиграфики. Об этом свидетельствует греческое название города и упоминание Меланиппия в качестве πόλις Παμφυλίας (Herod. De prosodia cath., III, 1, 365, 3–4; Steph. Byz., 441, 21–442, 2, s.v. Μελανίππιον, πόλις Παμφυλίας. Ἐκαταῖος Ἀσία. τινὲς δὲ Λυκίας φασί. τὸ ἔθνικόν Μελανίππεος καὶ Μελανίππιος). По мнению П. Фрея, важнейшим указанием на сходство происхождения Меланиппия и Фаселиды является наличие здесь культа Афины Городской, что засвидетельствовано в «Постгомерике» Квинта Смирнского. Повествуя о гибели ликийского героя Эриманта, пришедшего к стенам Илиона из Ликии вместе с Главком, поэт упоминает, что «дом его был в Меланиппии горном, святыне Афины, пред самым Массикитом у Хелидонийского мыса» (II., III, 233–234: ναῖε δ' ὁ γ' αἰπεινὸν Μελανίππιον ἱρὸν Ἀθῆνης ἀντία Μασσικύτοιο Χελιδονίης σχεδὸν ἄκρης) [Frei, 1990, p. 1779].

Связи Фаселиды и Меланиппия отражены и в содержании проксенического декрета в честь фаселитянина Аполлония (SEG LVII 1663), чьи действия обеспечили состояние φιλία καὶ συμμαχία с жителями Родоса, что было расценено в качестве значительной политической привилегии и гаранта свободы и автономии (4–8: ὅπως κατασταθῶμεν εἰς τὴν τοῦ δήμου τῶν Ῥοδίων φιλίαν καὶ συμμαχίαν, δι' ἧ κα[ὶ] συνβέ]βηκεν ἐλευθέρους ἡμᾶς ὄντας ἐν εἰρήνῃ] μεθ' ὁμονοίας πολιτεύεσθαι κυριεύ[οντα]ς τῶν ἰδίων). Это обстоятельство позволило Меланиппию сохранить автономию от прямого родосского господства, наступившего в Ликии и Карии вскоре после заключения Апамейского соглашения (188 г. до н. э.). Ганс-Ульрих Вимер полагает, что Родос намеревался установить гегемонию в Ликии по аналогии со своими карийскими владениями, полученными ими в качестве «дарения». С этой целью был назначен специальный военный магистрат (Syll.³ 619 = IG XII, I, 49, 60–63) [Wiemer, 2002, S. 263]. В тексте полисной псефизмы подчеркивается, что стела с ее со-

держанием должна быть установлена на самом видном месте в храме Афины (20–24: ἀ[ναγραφῆ]ναι δὲ καὶ τὸ ψήφισμα τόδε ὑπὸ τῶν [ἐνεσ]τώτων ἀρχόντων εἰς στήλην λιθ[ίνην καὶ] ἀνατεθῆναι ἐν τῷ ἱερῶι τῆς Ἀθη[νῶς εἰς] τὸν ἐπιφανέστατον τόπον). Чествование фаселитянина и новое обращение к общему культовому покровителю рельефно намекало на длительное культурно-историческое родство Фаселиды и маленького прибрежного полиса, сумевшего отстоять свою внутреннюю автономию и территориальную независимость от Родоса. Озвученные данные практически не оставляют сомнений в том, что Меланиппий некогда был основан выходцами с этого острова [Adak, 2007, S. 43].

Если следы дорийской волны колонизации юго-восточной оконечности Ликии достаточно очевидны, то с локализацией следов деятельности эолийских колонистов возникают существенные затруднения. Тем не менее на присутствие эолийских колоний в районах западного побережья памфило-ликийского приграничья указывают лингвистические свидетельства, обнаруживаемые в анализе местной топонимики [Vanschoonwinkel, 1991, p. 405–421]. Давно замечено, что памфилийский диалект пестрит эолийскими изоглоссами, что явилось результатом длительного культурного обмена между местными коренными общинами (Аспенд, Перге, Силлион) и эолийскими колониями [Brixhe, Tekoğlu, 2000, p. 52]. Арриан сообщает, что эолийские колонисты из Кимы, высадившиеся на месте памфилийского города Сиде (Ps.-Syll., 101: Κυμαίων ἀποικία), забыли родной язык, но стали говорить на некоторой смеси местного варварского диалекта и греческого (Arr. Anab., I, 26, 4) [Nollé, 1993, S. 148–150].

В своем «Перипле обитаемого моря» Псевдо-Скилл перечисляет ряд полисов, носящих греческие названия, находящие прямую корреляцию с топонимикой эолийского происхождения (Ps.-Syll., 100: «И если пройдеши от моря в глубь [будет] полис Фаселида с гаванью она же [и] залив и полис Идир, остров Лирнатея, Ольбия, Магид и река Катарракт, полис Перга и святилище Артемиды» / Καὶ ἐὰν προέλθῃς ἀπὸ θαλάττης ἀνώτερον, ἔστι Φασηλὶς πόλις καὶ λιμὴν (ἔστι δὲ τοῦτο κόλπος) καὶ Ἴδυρος πόλις, νῆσος Λυρνάτεια, Ὀλβία, Μάγυδος καὶ ποταμὸς Καταρράκτης, Πέργη πόλις καὶ ἱερὸν Ἀρτέμιδος). Псевдо-Скилл относит перечисленные города к территории Ликии. Страбон уточняет, что началом Памфилии является Ольбия. Географ сообщает, что «между Фаселидой и Атталией, как говорят, виднеются Фива и Лирнесс, потому что, по сообщению Каллисфена, троянские киликийцы частично бежали из Фиванской равнины в Памфилию» (Strab. XIV, 4, 1: φασὶ δ' ἐν τῷ μεταξὺ Φασήλιδος καὶ Ἀτταλείας δεῖκνυσθαι Θήβην τε καὶ Λυρνησσόν, ἐκλεσόντων ἐκ τοῦ Θήβης πεδίου τῶν Τρωικῶν Κιλικίων εἰς τὴν Πамφυλίαν ἐκ μέρους, ὡς εἶρηκε Καλλισθένης). Несколько отрывками ниже Страбон уточняет, что между киликийцами Трояды и их собратьями за Тавром есть прямая взаимосвязь, указывая на некоторые одноименные местности (Strab., XIV, 5, 21: ὥσπερ ἐν τῇ Πамφυλίᾳ Θήβην καὶ Λυρνησσόν). Плиний Старший упоминает эти городки, относя их к территории Памфилии (Plin. NH., V, 96: реки Эвримедон, протекающей мимо Аспенда, и Катарракт, рядом с которым находится Лирнесс: также города Ольбия и Фаселида, последние на этом побережье (*Amnes Eurymedon, iuxta Aspendum fluens, Catarractes, iuxta quem Lyrnesus et Olbia ultimaque eius orae Phaselis*).

Курций Руф ошибочно называет Фиву и Лирнесс в числе городов Киликии, вторя Страбону, сетует на их нынешний чудовищный упадок (Curt., III, 4, 10: *monstrabantur urbium sedes, Lyrnesi et Thebes*). Александр Полигистор тем не менее был склонен считать Лирнесс ликийским городом (Steph. Byz., 423, s.v. Λυρνάτεια: χερρόνησος καὶ χωρίον Λυκίας. Ἀλέξανδρος ἐν δευτέρῳ περὶ Λυκίας. τὸ ἔθνικὸν Λυρνάτιεύς, ὡς Οἰχαλία Οἰχαλιεύς. Ἀρκάδιος δὲ διὰ τῆς εἰ διφθόγγου).

Наиболее пространное сообщение, подтверждающее эолийскую природу происхождения Фивы и Лирнесса, мы находим у Страбона (Strab., XIII, 1, 61), указавшего на эпизод длительной вражды за крайне плодородную «Фиванскую равнину», возникшей между мисийцами и лидийцами. Ниже географ замечает, что к противоборству подключились греки из Эолиды и с Лесбоса, заселившие эту местность. В этом же отрывке Страбон

сообщает о том, что Лирнесс являлся природной крепостью, но пребывает ныне в упадке. Сообщение чрезвычайно любопытно и наличием ценнейшего указания на расстояния между этими полисами, что упрощает процесс их идентификации.

Другим городом, имевшим прямую историко-культурную взаимосвязь с Фаселидой, был Тенедос. Местоположение этого незначительного полиса соотносится с современными руинами Арапсую на западной оконечности городской черты Анталы. В античной традиции нет полной определенности относительно его географической принадлежности. Различные авторы относят его то к Ликий, то называют в числе полисов соседней Памфилии (Steph. Byz., s.v. Τένεδος: ἔστι καὶ πόλις Τένεδος πρὸς τῇ Λυκίᾳ. Ἀπολλόδωρος δὲ Παμφυλίας αὐτὴν εἶναι φησι). Европейские путешественники рубежа XIX–XX вв. неверно идентифицировали Тенедос, перепутав его с Ольбией [Şahin, 2001, s. 146–148]. Ими не были учтены все античные письменные свидетельства о его географическом расположении [Spratt, Forbes, 1847, p. 214–215; Paribeni, Romanelli, 1914, p. 71; Bean, 1968, p. 84–87; Çevik, 1994, p. 89–102]. Подробное географическое описание местоположения Тенедоса упомянуто в «Stadiasmus Maris Magni» [Müller, 1855, S. 490]. Источник III века н. э. идентифицирует его в качестве местечка, находившегося двадцатью стадиями западнее Атталей (224: Ἀπὸ Ἀτταλείας ἐπὶ χωρίον Τένεδον στάδιοι κ'). Останки небольшого урбанизированного ядра эллинистического, римского и византийского времени сохраняются в наши дни южнее местного университетского городка. До нашего времени дошли незначительные свидетельства, указывающие на существование симполитии между Тенедосом и Фаселидой. Данный факт засвидетельствован надписью, найденной в 7 км от руин Арапсую (JHS 34, 1914, p. 32, № 48: Ἐρμάις δις Μ[ο]λέυς Φα(σηλίτης) | ἀπὸ π[ό]λε[ω]ς [Τ]ενέδου | κατεσ[κεύασε]ν τῆ[v] | σωματοθήκην ἑαυτ- | ω καὶ τῆ γυναίκε μου | Δημητρία Καρποῦ | ἑαυτοῖς μόνοις). Заметим, что текстом надписи Тенедос называется полисом, а ведущую позицию в симполитии, вероятнее всего, занимала Фаселида [Ormerod, Robinson, 1914, p. 32; Hellenkemper, Hild, 2004, S. 877].

Упомянутые нами отношения симполитии между Фаселидой и Тенедосом должны были коснуться и другого небольшого городка памфило-ликийского пограничья, рассмотренного нами выше и названного античными источниками под именем Лирнесс или Лирна. Полис располагался на древнейшем пути из Фаселиды в Атталейю (225: Ἀπὸ Τενέδου εἰς Λύρναντα χωρίον στάδιοι ξ' | 226: Ἀπὸ Λύρναντος εἰς Φάσηλιν στάδιοι ρο'). Лирнесс должен был располагаться в 60 стадиях (11 км) к югу от Тенедоса, что совпадает с руинами Хайытлыгёль (Hayıtlıgöl/Çam Dağı) в 4 км от совр. Бельдиби. Здесь располагалось поселение в 30–40 построек с элементами укреплений в восточной части (двухэтажная башня) и поздним булевтерием или храмом (зафиксировано наличие псевдоизодомных блоков), где и был обнаружен текст договора между Фаселидой и Тенедосом [Adak, Güzelyürek, 2005, S. 91–93]. Близость поселения к острову Лирнатейя (совр. Sığan Adası), служившему укрепленным военно-морским форпостом, приводила к частой топо-гидронимической путанице (со ссылкой на Гекатея: Steph. Byz., 418, s.v. Λιρνύτεια: πόλις Παμφυλίας. Ἐκαταῖος Ἀσίᾳ. τὸ ἐθνικὸν Λιρνυττειεύς; Ps.-Skyl., 100: νῆσος Λυρνάτεια). В римское время остров назывался Аттелебуца (Ptol., V, 5, 9; Plin. NH., V, 131) [Adak, 2007, s. 46].

Учитывая упоминание Страбонам того обстоятельства, что Фива от Адрамиттия находится в 60 стадиях (11 км), а Лирнесс – в 88 стадиях (16 км) в противоположную сторону (Strab., XIII, 1, 61), следовало бы соотнести месторасположения Фивы с руинами холма Резбурну Тепе на равнине Гёйнюк (Göynük). К римско-византийскому времени местечко было заброшено, а отсутствие строительного раствора в останках построек говорит в пользу существования поселения в классическое и эллинистическое время. Северный и восточный склоны холма демонстрируют следы интенсивного террасирования. Несмотря на очевидность такого географического расположения, имеются и иные варианты расположения этих поселений (Фива – Paşa Dağı; Лирнесс – Ala Dağ) [Adak, 2007, s. 46–47].

Расположению Фивы и Лирнесса посвящены комментарии Евстафия к Дионисию Периегету и к отрывку «Илиады» с соответствующими географическими указаниями (Eust. Schol. ad Dion. Perieg., 367: Μέσον δὲ Φασήλιδος καὶ Ἀτταλείας Θήβη πόλις καὶ Λυρνησσός, ὁμώνυμοι ταῖς Τρωϊκαῖς; Eust. Schol. ad Il., II, 690–691: ἐπανελήφθη γὰρ ἡ Λυρνησσός, ἵνα συμπαρατεθῆ ταύτη καὶ ἡ τῆς, ὡς προεγράφη, Ἀτραμυτηνῆς Θήβης ἄλωσις, περὶ ὧν, εἰ καὶ προερέθη, ἀλλὰ κάκεῖνο εἰδέναί οὐ περιττόν, ὅτι οὐ μόνον Ἀτραμυτηνὴ Θήβη, ἀλλὰ καὶ ἐν Παμφυλίᾳ. οὕτω δὲ καὶ Λυρνησσός. Φησὶ γοῦν ὁ Γεωγράφος, ὅτι πόλις Ἀττάλεια, ἐπώνυμος τοῦ κτίσαντος Φιλαδέλφου. δείκνυται δὲ μέσον Φασήλιδος καὶ Ἀτταλείας Θήβη καὶ Λυρνησσός Τρωϊκῶν ἀνδρῶν ἐκεῖ ἐκλεσόντων). Сохранился и монетный материал Фивы, свидетельствующий о существовании поселения уже не позднее V–IV вв. до н. э. [Stauber, 1996, S. 100–101]. Наличие «Фиванской равнины», обильная эолийская топонимика и изоглоссы в памфилийском, свидетельства античной традиции об инфильтрации эолийских колонистов наглядно показывают, что территории между Кемером и Анталией подвергались активной эолийской колонизации [Brixhe, Tekoğlu, 2000, p. 52–53].

Попытки дорийцев и эолийцев закрепиться на большой памфилийской равнине и юго-восточном побережье Ликии оказались в итоге провальными. Урбанистическое ядро всех основанных ими поселений подвергалось существенному этнокультурному влиянию и военному давлению со стороны коренных народов региона, что приводило к скоротечной маргинализации греческих апоекий или существенно препятствовали их росту и развитию [Şahin, 2001, p. 165–166]. О том, что анклав местного населения были достаточно сильны для активного сопротивления попыткам греческой колонизации, свидетельствует упоминание Перги уже в хеттских текстах. Согласно Бронзовой табличке (13 § 8): «если царь Хаттусы... завладеет страной Парха с помощью армии, то она также будет принадлежать князю Тархунтассы» [Beckman, 1999, p. 115]. Парха клинописных источников соответствует городу Перге, самому важному греческому городу в пределах Памфилии в I тыс. до н. э. Хотя независимость Пархи может быть связана с активностью племен лукка, упоминание в клинописных источниках народов Хиявы в связи с Луккой не позволяет исключить того, что греческая колонизация Пархи/Перги была начата ахейцами еще в бронзовом веке. Микенская керамика засвидетельствована на акрополе Перги [Niemeier, 2008, S. 298].

Хронологические рамки греческой колонизации Ликии крайне условны. Наиболее выверенной верхней хронологической планкой следует считать дату основания Фаселиды (691–690 до н. э.). Находки керамики VIII в. до н. э. близ Родиаполиса и Гаг указывает на возможность более раннего основания этих поселений, предшествовавшего традиционной датировке прибытия греческих колонистов. Этимология топонима Гаги (лик.-лув. Gahe-huhha) намекает на некоторую вероятность существования хетто-лувийского анклава в регионе. Гаги, Родиаполис и Коридалла могли находиться в союзных отношениях (или варианте симполитии), что находит косвенное подтверждение у Плиния, перечисляющего эти города совместно (Plin. NH., V, 28, 100) [Çevik, Bulut, 2008, p. 3–4]. Данный «треугольник» формирует контуры греко-ликийской контактной зоны региона (рис. 1).

Выводы

Неизвестно, были ли волны эолийской и дорийской колонизации одновременны друг другу или одна предшествовала другой. Кажется маловероятным, что находившиеся севернее Фаселиды эолийские колонии (Лирнесс, Фива и Тенедос) были основаны ранее опорной дорийской колонии. Этолийские греки не упустили бы возможность основать собственную апойкию в районе Тахталы-Даг, учитывая стратегические преимущества расположения Фаселиды. С другой стороны, следует иметь в виду, что Фаселида была центром транзитной морской торговли, тогда как эолийские колонии традиционно специализировались на сельском хозяйстве [Adak, 2007, s. 47]. Для этого рода деятельности

идеально подходили местности вокруг Лирнесса и Фивы, располагавшиеся в километре от моря, но обладавшие пригодными для возделывания культур средиземноморской триады аграрными ресурсами, на горных склонах и в аллювиальных долинах. Вполне вероятно, что движущей силой эолийской колонизации (учитывая сообщение Арриана: *Arr. Anab.*, I, 26, 4) могла выступить Кима Эолийская. Переселенцы, не сумев закрепиться в Сиде, были вынуждены довольствоваться небольшими сельскохозяйственными апоיקиями в прибрежной зоне памфило-ликийского приграничья [Nollé, 1993, S. 46].

Рис. 1. Карта восточного побережья Ликии
Fig. 1. East coast of Lycia

References

- Adak M., Güzelyürek C. 2003. *Reiseführer Olympos Çıralı Adrasan*. Istanbul, Günışığı Turizm Yayıncılık, 168.
- Adak M. 2004. Lokalisierung von Olympos und Korykos in Ostlykien. *Gephyra*, 1: 27–51.
- Adak M., Önen N. 2004. Neue Inschriften aus Olympos und seinem Territorium I. *Gephyra*, 1: 53–65.
- Adak M., Önen N.T., Şahin S., 2005. Neue Inschriften aus Phaselis I. *Gephyra*, 2: 1–20.
- Adak M., Güzelyürek C. 2005. Beldibi von der Steinzeit bis heute. Istanbul, Beldibi Belediyesi Kultur Yayinlari, 143.
- Adak M. 2007. Die dorische und äolische Kolonisation des lykisch-pamphyliischen Grenzraumes im Lichte der Epigraphik und der historischen Geographie. *Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*, 354: 41–50.
- Adak M. 2013. Names, Ethnicity and Acculturation in the Pamphylian-Lycian Borderland. In: *Personal Names in Ancient Anatolia*. Oxford, University Press: 63–78.
- Bean G.E. 1968. *Turkey's Southern Shore – An Archaeological Guide*. London, E. Benn, 188.
- Bechtel F. 1899. *Sammlung der griechischen Dialektinschriften III/1*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 690.
- Beckman G. 1999. *Hittite Diplomatic Texts. Second Edition*. Atlanta, GA, Scholars Press, 244.
- Behrwald R. *Der Lykische Bund: Untersuchungen zu Geschichte und Verfassung*. Bonn, Habelt, 269.
- Benda-Weber I. 2005. Lykier und Karer: zwei autochthone Ethnien Kleinasien zwischen Orient und Okzident. Bonn, Habelt, 436.
- Blackman D.J. 1981. The Inscriptions. In: *Phaselis. Beiträge zur Topographie und Geschichte der Stadt und ihrer Häfen*. Tübingen, Wasmuth, 181.
- Blumenthal E. 1963. Die altgriechische Siedlungskolonisation im Mittelmeerraum unter besonderer Berücksichtigung der Südküste Kleinasien. Tübingen, Im Selbstverlag des Geographischen Institutes der Universität Tübingen, 182.
- Borchhardt J. 1993. Die Steine von Zemuri: Archäologische Forschungen an den verborgenen Wassern von Limyra. Wien, Phoibos Verlag, 160.
- Bresson A. 2000. *La cité marchande*. Bordeaux, Ausonius, 343.
- Briant P., Descat R. 1998. Un registre douanier de la satrapie d'Égypte à l'époque achéménide. Le commerce en Égypte ancienne. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale: 59–104.
- Brixhe C., Tekoğlu R. 2000. *Corpus des inscriptions dialectales de pamphylie supplément V*. *Kadmos*, 39 (1–2): 1–56.
- Çelik A. 2020. Likya Beyi Perikle ve Dönemine (MÖ 390/380-360) İlişkin Bazı Öneriler. *Belleten*, 84 (299): 1–20.
- Çevik N. 1994. The Localization of Olbia on the Gulf of Pamphylia. *Lykia*, 1: 89–102.
- Çevik N. 2003. The rock-cut tombs of Etenna and the rock-cut tomb tradition in southern Anatolia. *Anatolian studies*, 53: 97–116.
- Çevik N., Bulut S. 2008. The rediscovery of GAGAE/«GAXE» in the south-east corner of Lycia. New finds from the total surface surveys. *Adalya*, 11: 63–98.
- Erzen A. 1973. Das Besiedlungsproblem Pamphyliens im Altertum. *Archäologischer Anzeiger*, 3: 388–401.
- Frei P. 1990. Die Götterkulte Lykiens in der Kaiserzeit. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt (Teil II, Band 18/3)*. Berlin; New York: 1729–1864.
- van Gelder H. 1900. *Geschichte der alter Rhodier*. Den Haag M. Nijhoff, 532.
- Gordon P. 1996. Epicurus in Lycia: The Second-Century World of Diogenes of Oenoanda. *Ann Arbor, University of Michigan Press*, 140.
- Haake M. 2008. Die patchwork– Repräsentation eines lykischen Dynasten: Apollonios, Sohn des Hellaphilos, und das Grab vom Asartaş Tepesi. In: *Vom Euphrat bis zum Bosphoros*. Bonn, Habelt: 277–296.
- Hawkins J.D. 2000. *Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Volume I. Part I, II: Texts; Part III: Plates*. Berlin–New York, W. de Gruyter, 360.
- Heipp-Tamer Chr., 1993. Die Münzprägung der lykischen Stadt Phaselis in griechischer Zeit. *Saarbrücker Studien zur Archäologie und Alten Geschichte 6*. Saarbrücken, Saarbrücker Druckerei und Vlg., 182.
- Hellenkemper H., Hild F. 2004. *Tabula Imperii Byzantini 8: Lykien und Pamphylien*. Wien, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1015.
- Hild F. 2004. Komai in Lykien. *Gephyra*, 1: 119–126.

- Homblower S. 1982. Mausolus. Oxford, Clarendon Press, 398.
- Kolb F. Tietz W. 2001. Zagaba: Münzprägung und politische Geographie in Zentrallykien, Chiron, 31: 347–416.
- Leschhorn W. 1984. Gründer der Stadt. Studien zu einem politisch religiösen Phänomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, F. Steiner, 436.
- Müller K. 1855. Geographi Graeci Minores I. Paris, Firmin Didot, 650.
- Neumann G. 1979. Neufunde lykischer Inschriften seit 1901. Wien, VÖAW, 58.
- Niemeier W.-D. 2008. Hattusas Beziehungen zu West-Kleinasien und dem mykenischen Griechenland (Ahhiyawa). In: Hattuša-Boğazköy: Das Hethiterreich im Spannungsfeld des Alten Orients. Wiesbaden, Harrassowitz: 291–349.
- Nollé J. 1993. Side im Altertum I. Geschichte und Zeugnisse I. Geographie, Geschichte, Testimonia, griechische und lateinische Inschriften. Bonn, Habelt, 355.
- Oettinger N. 2008. The Seer Mopsus (Muksas) as a Historical Figure. In: Anatolian Interfaces: Hittites, Greeks, and Their Neighbors in Ancient Anatolia. Oxford, Oxbow: 63–66.
- Önen N.T. 2012. Ideas Concerning the Historical Identity and the Connections of the City of Phaselis an Eastern Mediterranean Port. Mediterranean Journal of Humanities, II/1: 205–212.
- Ormerod H.A., Robinson E.S.G., 1914. Inscriptions from Lycia. Journal of Hellenic Studies, 34: 1–35.
- Paribeni R., Romanelli R. 1914. Studi e ricerche archeologiche nell'Anatolia meridionale. Monumenti Antichi, 23: 5–274.
- Şahin S. 2001. Olbia und einige andere Küstenorte bei Kemer in Westpamphylien. Epigraphica Anatolica, 33: 145–167.
- Şahin S. Adak M. 2004. Stadiasmus Patarensis. Ein zweiter Vorbericht über das claudische Straßenbauprogramm in Lykien. In: Siedlung und Verkehr im römischen Reich. Römerstraßen zwischen Herrschaftssicherung und Landschaftsprägung. Akten des Internationalen Kolloquiums zu Ehren von H. E. Herzig (Bern 2001). Bern, P. Lang: 227–262.
- Saraçoğlu H. 1968. Akdeniz Bölgesi. Istanbul, MEB Yayınları, 638.
- Schäfer J. 1981. Phaselis. Beiträge zur Topographie und Geschichte der Stadt und ihrer Häfen. Tübingen, Wasmuth, 181.
- Scheer S. 1993. Mythische Vorväter. Zur Bedeutung griechischer Heroenmythen im Selbstverständnis kleinasiatischer Städte. München, Maris, 369.
- Spratt T.A.B., Forbes E. 1847. Travels in Lycia, Milyas, and the Cibyratis I. London, S. & J. Bentley, Wilson and Fley, 302.
- Stauber J. 1996. Lokalisierung Homerischer Ortsnamen in der Bucht von Edremit mit Neuer Lokalisierung von Thebe und Lyrnessos. Araştırma Sonuçları Toplantısı, 14: 94–109.
- Tekoğlu R., Lemaire A. 2000. La Bilingue Royale Louvito-Phénicien de Çineköy. Comptes Rendus de L'Académie des Inscriptions: 961–1006.
- Tekoğlu R. 2002. Three new Lycian inscriptions from Tlos and Asartaş. Die Sprache, 43 (1): 104–114.
- Jahn G. 1970. Die Beydağları. Studien zur Höhengliederung einer südwestanatolischen Gebirgslandschaft. Giessen, Schmitz Gießen, 165.
- Vanschoonwinkel J. 1990. Mopsus: legends et réalité. Hethitica, 10: 195–211.
- Vanschoonwinkel J. 1991. L'Égée et la Méditerranée orientale à la fin du deuxième millénaire: témoignages archéologiques et sources écrites, Louvain-La-Neuve, Département d'archéologie et d'histoire de l'art Collège Erasme, 589.
- Wiemer H.-U. 2002. Krieg, Handel und Piraterie. Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos. Berlin, Akademie Verlag, 416.
- Wilhelm A. 1898. Ein Vertrag des Maussollos mit den Phaseliten. Jahreshefte des osterreichischen archaologischen Institutes, 1: 149–162.
- Wörrle M. 1998. Leben und Sterben wie ein Fürst. Überlegungen zu den Inschriften eines neuen Dynastengrabes in Lykien. Chiron, 28: 77–84.
- Wörrle M. 2012. H II. Die griechischen Sepulkralinschriften von Limyra. In: Limyra: Studien zu Kunst und Epigraphik in den Nekropolen der Antike. Wien, Phoibos Verlag: 411–457.
- Zäh A. 2003. Der Hafentort Melanippe (Hagios Stephanos) im östlichen Lykien. In: EYKOΣMIA. Studi miscellanei per il 75o di Vincenzo Poggi S.J. Catanzaro, Rubbettino, 664.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ВУНЦ «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Baranov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of Airforce Academy named after prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Voronezh, Russia